И.Н. ДЬЯЧКОВА
(Петрозаводск)

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ЛЕТОПИСНЫХ ПАМЯТНИКАХ РУССКОГО ПОМОРЬЯ (на материале «Соловецкого летописца» XVIII в.)*

Анализируются формальные характеристики числительных, функционирующих в тексте «Соловецкого летописца». Сделан вывод о влиянии на числительные грамматических норм, получивших в XVIII в. общелитературный статус, а также ограниченных в употреблении более узкой группой текстов преимущественно делового стиля. Некоторые явления обнаруживают связь языка анализируемого источника с живой устной речью.

Ключевые слова: *имена числительные, «Соловецкий летописец», XVIII век, грамматика, лексикализация.*

Изучению летописных памятников в историко-лингвистических исследованиях всегда отводилась одна из ведущих ролей. Летописи являются ценнейшим источником для понимания эволюции русского литературного языка в системе его разнообразных средств и функционально-стилистических возможностей начиная с момента зарождения письменной культуры и заканчивая XVIII столетием, к концу которого летописание, вытесненное в этот период на периферию литературной практики (и географическую периферию), постепенно затухает. Объединяя в себе разнородные языковые стихии – книжно-славянскую и народно-литературную, летописи дают богатейший материал для изучения не только книжно-письменной традиции, но и живой речи восточных славян на различных хронологических этапах. Однако, несмотря на неослабевающий интерес лингвистов к летописным источникам, необходимо признать, как отмечает О.Н. Киянова, что в поле зрения исследователей в основном попадали и попадают тексты более ранних эпох, при этом памятникам позднего русского летописания «ни в многочисленных монографиях и учебниках по истории русского литературного языка, ни в работах В.В. Виноградова и других ученых, посвященных периоду XVI–XVII вв., <…> места нет» [4, с. 1]. Что же касается специфики летописной традиции в XVIII в., то здесь очерченная выше ситуация еще более усугубляется, поскольку «многие поздние летописи не только не описаны в историографической литературе, но даже не учтены; большой корпус не издан и находится в рукописных собраниях» [Там же, с. 9] (см. также [3]). Таким образом, по справедливому мнению исследовательницы, существует насущная необходимость в создании и дальнейшем изучении «генетической цепи» русского летописания, начало которым положил еще академик А.А. Шахматов.

В нашей работе мы обращаемся к одному из таких источников, публикация которого была осуществлена в 2003 г. [5] сотрудниками Национальной библиотеки Республики Карелия. Речь идет о списке памятника «Соловецкий летописец», датированном второй половиной 1790-х гг., рукопись которого хранится в фондах библиотеки. Установлено, что этот список относится ко 2-й Пространной редакции «Соловецкого летописца» (далее – СЛ), которая несколько раз публиковалась в конце XVIII–XIX вв. События, упоминаемые в рукописи, в целом охватывают период с момента основания монастыря (1429 г.) до 1796 г. включительно.

Предметом нашего внимания стали грамматические особенности и функционирование имен числительных в анализируемом тексте, в котором на 37 листах встречается более 250 лексем, относящихся к данной части речи и, как правило, фиксируемых в побуквенной записи. Такое значительное количество нумеративов на сравнительно небольшом пространстве текста объясняется тем, что составитель летописи (рукопись написана одним почерком) очень часто уделяет внимание хозяйственно-экономической деятельности Соловецкого монастыря (доходы, расходы, собираемые налоги и т. п.), подробно описывает пожертвования власти и мирян в пользу монастырской братии и др. Отметим, что в указанный расчет не входили только формально унифицированные цифровые обозначения дат типа *Въ лѣто 6993 (1485) въ Великий постъ погорѣлъ Соловецкой м[о]н[а]стырь* (л. 4)**.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00810 А «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XIX вв.)»).

** Примеры из «Соловецкого летописца» приводятся по изданию [5] с указанием листов в круглых скобках.

© Дьячкова И.Н., 2018

Простые числительные. Поскольку в словоизменении и синтагматике числительного *один* не было обнаружено существенных отличий в сопоставлении с его современной грамматической нормой, обратимся к рассмотрению морфологических особенностей лексем *два, три, четыре*, которые, как показывает ранее проведенное нами исследование [2, с. 61–70], могли сохранять в письменности рассматриваемой эпохи некоторые архаичные формы.

В тексте СЛ мы обнаружили лишь один подобный пример для числительного *три*, сохраняющийся в тв. п.: *въ Соловецкой манастырь прибылъ чрезъ городъ Онѣгу майа 27 дня съ треми иеромонахами* (л. 36). Других форм тв. п. этих числительных в источнике зафиксировано не было. По нашим данным, архаичные словоформы с флексией *-ми* для лексем *три, четыр*е изредка использовали в своей литературной практике в середине столетия даже такие признанные мастера слова, как В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов. См. в «Езде в остров любви»: *домы до половины толко построены, а другія тремя или* ***четырьми*** *розными образцы* (В.К. Тредиаковский. Езда в остров любви). Форма *четырьми* встречается у М.В. Ломоносова в синтаксической части его «Российской грамматики» – *четырьми частьми* [6, с. 186], несмотря на то что в образцах склонения в наставлении «О имени» он предлагает вариант с современной флексией [Там же, с. 102]. Отметим подобный пример и в списке «Соловецкого летописца» (сер. XVIII в.) А.К. Бороздина, опубликованном в 1791 г. (ср. с формами *два* и *три*): *иногда* ***тремя црены*** *варятъ, а иногда* ***четырьми****, да железной промыселъ сполна. Да при немъ же игумене прибылъ промыселъ въ Солокурье; на ЛудѢ* ***двумя црены*** *варятъ* [5] (предисловие). Приведенные факты, как мы полагаем, могут свидетельствовать о сохранении архаичных флексий у указанных числительных в языке до конца столетия, хотя для сочетания *съ треми иеромонахами* вполне вероятна и стилистическая (традиционно-книжная) мотивировка употребления, обусловленная контекстом.

Между тем только флексии современного типа встречаются в тексте СЛ у числительного *два*: *воду приводилъ въ м[о]н[а]стырь изъ петидесяти* ***двухъ*** *озеръ* (л. 9); *состоящие изъ* ***двухъ*** *фасатовъ съ фланками* (л. 35); *построена каменная полата о* ***двухъ*** *жирахъ* (л. 13); *къ анархистамъ* ***двумъ*** (л. 21); *рядовой братии… – восмидесяти* ***двумъ*** (л. 21); *въ Спаской церкви своды на* ***двухъ*** *столпахъ* (л. 7); *построена кожевенная каменная палата о* ***двухъ*** *апартаментахъ со своды* (л. 28 об.) и др.

Особого внимания заслуживает рассмотрение количественно-именных сочетаний с числительными два – четыре. Региональный памятник, как и многие другие тексты изучаемой эпохи [2, с. 75], отражает специфическую сочетаемость этих лексем (в том числе и в качестве компонентов составных числительных) с субстантивами *день* и *рубль*. См. примеры: ***три рубли*** *на церковь далъ и на трапезу 5 ру[блев], на известь* ***4 ру[бли],*** *на лодью, на коровы* ***3 ру[бли],*** *на колоколъ 10 ру[блев]* (л. 8 об.); *кубокъ золоченъ лощатой безъ покрышки за тритцеть за* ***два рубли*** *за 50 копеек* (л. 11); *денегъ триста* ***тритцеть три рубли*** (л. 11 об.); *въ Соловецкомъ м[о]н[а]стырѣ былъ архимандритомъ 20 лѣтъ 5 м[е]с[я]цовъ и* ***2 дни*** (л. 32 об.).

По традиции, установившейся еще в «приказном» слоге донационального периода [1, с. 332; 8, с. 63], в СЛ используются формы количественно-именных сочетаний с присубстантивным определением, когда атрибутив располагается после определяемого слова, причем чаще всего в род. п.: *по угламъ построены четыре престола предѣльныхъ* (л. 7); *ц[а]рь и великий князь Иоаннъ Васильевичь пожаловалъ въ м[о]н[а]стырь… 2 колокола зазвонные* (л. 7 об.); *двѣ стопки сребрянные да три лошки сребряные* (л. 8); *два пруда каменные дѣлал* (л. 8 об.); *пожаловалъ <…> двѣ пищали девяти пядные мѣдные, да двѣ пищали полуторные мѣдные* (л. 10); *пожаловалъ 4 пищали затинныхъ* (л. 10); *пожаловалъ двѣ пищали полуторныхъ медныхъ* (л. 12); *того жъ году 4 пищали пожаловалъ затинныхъ* (л. 12); см. также и для других числительных – *15 лодей соловецкихъ съ ызвезью* (л. 8); *десять ширинокъ шиты золотомъ и сребромъ и шелки разными* (л. 8); *дватцеть стокановъ сребрянныхъ* (л. 10 об.); *пожаловалъ пять пищалей затинныхъ* (л. 12).

Безусловно, интересны в СЛ примеры, известные разговорно-деловому языку донациональной поры (типа *4 лапки лисьих красные*), когда им. п. и род. п. используются в пределах одного количественно-именного сочетания: *4 судна мореходныхъ, называемые лодьи* (л. 33); *два подсвѣщника церковныхъ болшихъ выносныхъ на литияхъ, чеканной работы, сребрянные, золочены, с черьнью* (л. 36). Одну конструкцию подобного типа отмечаем даже для числительного ‘10’ – *10 кляпышевъ сребрянныхъ золочены* (л. 10 об.).

Всего в СЛ на 30 описанных структур с постпозицией определения, которая, кстати, может наблюдаться здесь и в обычных атрибутивных сочетаниях (например, *часы медные резные на проем*), приходится всего лишь два случая, отражающих современный облик этих конструкций: *двѣ каменные плиты* (л. 22 об.); *девять жемчюжныхъ зернъ* (л. 16), который, по нашим сведениям [2, с. 77–79], стал нормой литературного языка еще в первой половине XVIII в. Однако для СЛ синтаксические структуры данного типа являются не правилом, а исключением.

Что касается грамматики других простых числительных первого десятка (‘5’–‘10’), то она отражает современную норму их склонения и сочетаемости. Вместе с тем к ряду специфических явлений, по всей видимости, диалектного происхождения, относится употребление числительных *семь* и *восемь* с «ером» вместо «еря» на конце (15 случаев, а также 7 примеров сложных числительных в виде *семдесятъ, восемдесятъ*), что при наличии *Ь* в написании других нумеративов явственно свидетельствует об отвердении конечного *м* в говоре писца: *семъ каменей яхонтовъ разныхъ цвѣтовъ* (л. 16), *грузу поноситъ восемъ тысящъ пудъ* (л. 34 об.) и др.

Примеры косвенных падежей простых числительных *сорок, девяносто, сто* в СЛ единичны, однако они объективно представляют как норму словоизменения, утвердившуюся в литературной практике [Там же, с. 95], так и новые формы, проникающие в письменные тексты из живой устной речи: *болничнымъ монахомъ* ***сорока*** *человекамъ по рублю* ***по сороку*** *по пяти копеекъ человѣку* (л. 21); *всего* ***сту*** *восмидесяти тремъ человѣкамъ* (л. 21). С одной стороны, в данных примерах мы видим традиционные и закрепленные именно в этом облике грамматикой Ломоносова формы дат. п. *сту* и *сороку*, с другой – в непосредственной близости с «литературной» нормой используется современный (а для писца XVIII в., по-видимому, разговорный) вариант *сорока (человѣкамъ)*. Заметим, что сочетаемость форм *сту* и *сорока* с существительными по типу согласования *(сорока, сту человѣкамъ)* тоже свидетельствует о их продолжающейся нумерализации.

Сложные числительные. В области употребления нумеративов второго десятка СЛ обнаруживает общность с другими литературно-письменными памятниками своего времени. Архаичные формы количественных числительных встречаются здесь так же редко, как и в авторитетных литературных источниках (2 употребления на 14 случаев форм современного типа). Все контексты, где мы их видим, более чем предсказуемы: *Соборъ с[вя]тыхъ* ***двунадесяти ап[о]с[то]лъ*** (л. 7); *распятие Г[о]с[по]дне, около –* ***дванадесять праздниковъ*** (л. 15); *при этом – а всего въ трехъ деревняхъ* ***трянатцеть обежъ,*** *и съ варницами, и со всеми оброки и угодья* (л. 4 об.); *перцу* ***семнатцеть фунтовъ*** (л. 8); *оплечье отласъ золотой, подложены зенделью вишневой,* ***за пятнатцеть рублевъ*** (л.12 об. – 13) и др. Отметим, что орфографический облик морфемы *-натцеть* с написанием с *е* в заударном слоге в данном случае отражает норму делового стиля.

Отдельно необходимо сказать о порядковых нумеративах с тем же числовым значением. В целом типичным для литературно-письменного языка XVIII в. остается употребление таких их форм, как *пятый надесять, вторый надесять* и т. п., по использованию которых М.В. Ломоносов дает следующую стилистическую рекомендацию: употреблять «въ важныхъ материяхъ и числахъ месячныхъ» [6, с. 101]. Представление о «важных материях» в речевой практике указанного периода, как показывают выявленные нами примеры, оказалось связанным не только с обозначением дат (число, день, месяц, год, век, столетие, лето), особенно подчеркнуто значительных (*съ седмагонадесять года по кончинѣ Александровой* (Изв. АН. 1780. Ч. 5. С. 461); *предки его… выѣхали въ Россію въ пятомънадесять столѣтии* (Д.И. Фонвизин. Жизнь графа Никиты Ивановича Панина); *остроумныя сочинения осьмагонадесять вѣка* (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника)), но и наименованием титулованных лиц высшего ранга (*получилъ отъ Папы Венедикта четвертагонадесять позволеніе* (А.С. Дембовский. История о нынешнем состоянии правительства польскаго); *во врѣмя царствования Людовика первагонадесять* (Ф.-М. Вольтер. Генрияда, в пер. Я. Княжнина) и т. д.) – всего 43 случая.

В СЛ указанной норме соответствует следующий (правда, единственный) пример: *поставленъ бысть преподобный Зосима во игумены во обитель Соловецкую… в лѣто 6960,* ***в шестое на десять лѣто*** *по пришествии своемъ на Соловецкий островъ* (л. 2 об.).

Текст СЛ отражает унификацию словоизменения и синтагматики наименований десятков, их продолжающуюся лексикализацию. В частности, активно развивающийся процесс лексикализации рассматриваемых числитель-

ных отражается в фиксации на письме глубоких фонетических изменений, обусловленных объединением частей сложения: *на триста братовъ сто* ***шездесят*** *пять рублевъ* (л. 12 об.); *растоянием отъ Нюхоцкой пристани сто* ***шездесятъ*** *верстъ* (л. 28). Принятая в словоизменении числительного *восемьдесят* в XVIII в. оппозиция прямых и косвенных падежей *восемьдесят – осьмидесяти* в исследуемом памятнике не соблюдается, что, по-видимому, отражает норму живой разговорной речи, где происходит дальнейшая унификация парадигмы этого нумератива (все 3 случая, правда, зафиксированы в пределах одного контекста): *которые в м[о]н[а]стырѣ –* ***восмидесяти*** *одному – и которые въ розсылкахъ* (л. 21); *рядовой братии… и которые въ розсылкахъ на берегу –* ***восмидесяти*** *двумъ* (л. 21); *всего сту* ***восмидесяти*** *тремъ человѣкамъ* (л. 21).

Добавим, что данные СЛ отражают и продолжающуюся лексикализацию числительных-«сотен»: здесь их слитные написания регистрируются даже в косвенных падежах. Так, в исследуемой рукописи номинативы ‘300’ – ‘400’ в двухсловной передаче вообще не встречаются; наименования ‘500’ – ‘900’, как правило, тоже пишутся без пробелов (на 7 подобных случаев у нас всего 2 исключения) (*стал он в* ***триста*** *рублев и съ провозомъ* (л. 5); *еще жъ* ***триста*** *рублевъ* (л. 10 об.); *на* ***триста*** *братовъ сто шездесят пять рублевъ* (л. 12 об.); *далъ старцамъ* ***триста*** *восемдесятъ рублевъ* (л. 14); *стрѣльцовъ разныхъ городовъ* ***триста*** *человѣкъ стояли въ м[о]н[а]стырѣ* (л. 19 об.); *те золотые выданы на Москвѣ двѣсти рублевъ, а* ***четыреста*** *– на Двинѣ* (л. 21 об.); *да къ нимъ* ***четыреста*** *ядеръ желѣзныхъ* (л. 10); *пожаловалъ по царевиче…* ***пятьсотъ*** *рублевъ* (л. 10 об.); *пожаловалъ по царице Феодосии* ***пятьсотъ*** *рублевъ* (л. 12 об.); *мѣди* ***пятьсотъ*** *пудъ да олова сто пудъ… всего слито въ* ***семсотъ*** *пудъ* (л. 12 об.); *архиеп[и]скопъ Архангелогородский и Холмогорский, далъ въ строение чюдотворной церкви въ разные годы* ***шестьсотъ*** *рублевъ* (л. 30); *прибавлено покупной мѣди и олова весомъ* ***девятьсотъ*** *девяносто пять пудъ* (л. 31)), но при этом – *пожаловалъ на молебны… и на м[о]н[а]стырское строение* ***семъ сот*** *сорок пять рублевъ дватцеть пять копеекъ* (л. 21); *на иконоставное строение* ***шесть сотъ*** *рублевъ* (л. 21 об.). См. и примеры косвенных падежей: *отпускать на всякой годъ сверхъ положеннаго штата денежной суммы по* ***пятисотъ*** *рублевъ* (л. 34), но – *стал он повыше* ***трехъ сотъ*** *рублевъ* (л. 7).

Графический облик наименований сотен в приведенных примерах (особенно в номинативных, «счетных» формах), по всей видимости, отражает реальную степень их лексикализации в живом языке конца XVIII в., однако образцовая русская письменность указанного периода остается в этом отношении глубоко консервативной: споры о написании нумеративов-«сотен» ведутся еще и в XIX в. В частности, Г.П. Павский в своих «Филологических наблюдениях над составом русского языка» (1850) настаивал на том, чтобы привести номинативы сотен в соответствие с раздельным написанием их косвеннопадежных форм. Именно эта норма, по всей видимости, утверждается в авторитетной литературной практике для числительных ‘500’–‘900’ со второй половины XVIII в.: с этого времени, по нашим данным, они пишутся только раздельно [7, с. 201].

Составные числительные. Наиболее яркой чертой в употреблении составных числительных в тексте СЛ является функционирование конструкций с повторяющимися предлогами, которые ко времени создания исследуемого текста уже почти перестают употребляться в литературной практике. См. примеры: *дачи его, игумена, в м[о]н[а]стырь иконами на шездесятъ пять рублевъ на 50 копеекъ* (л. 8); *а всей его дачи… на сто на восемдесятъ рублевъ* (л. 8 об.); *кубокъ золоченъ лощатой безъ покрышки за тритцеть за два рубли за 50 копеекъ* (л. 11); *с[вя]тыхъ образовъ, книгъ и платья на сто на 4 рубли* (л. 14); *иеродиакономъ семи человѣкамъ по рублю по дватцети по пяти копеекъ* (л. 21); *болничнымъ монахомъ… по рублю по сороку по пяти копеекъ* (л. 21) и др. Единственная форма с беспредложным соединением в этом источнике (при употреблении предлогов *на, за* и *по*) – *ценою за двѣсти 16 рублевъ* (л. 16) – тоже весьма показательна в рассматриваемом отношении: в данном случае представление об обособленности отдельных разрядов составного нумератива поддерживается его графическим обликом – комбинацией цифровой и буквенной записи при передаче составного числа.

По всей видимости, наиболее активно эти структуры употреблялись в деловой письменности рассматриваемой эпохи, в ней мы встречаем такого рода построения на протяжении всего XVIII в. Однако справедливости ради нужно сказать, что если в начале столетия в указанных источниках подобному образованию составных наименований отдается безусловное предпочтение, то в законодательных

актах, официальных распоряжениях Екатерины II мы наблюдаем уже необязательность такого типа их передачи: традиционные и новые формы с непосредственным соединением частей здесь могут встретиться в одном предложении – *товаровъ всего* ***на*** *девяносто* ***на*** *девять тысячь* ***на*** *четыреста шестьдесятъ шесть рублевъ* (тоже не вполне «правильная» форма. – *И.Д.*) <…> *иностранныхъ товаровъ* ***на*** *одиннатцать тысячь двѣсти сорокъ три рубли семьдесять шесть копеекъ* (В.В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, цитата из официального отчета). Ср. также: *прибыльной суммы въ казну* ***по*** *восьми тысячь* ***по*** *девяносту* ***по*** *шести рублевъ въ годъ* (В.В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, цитата из указа Екатерины), но ***по*** *двадцати пяти верстъ за день* (Учреждения для управления губерний Екатерины II).

Представленная картина будет неполной, если не отметить, что нумеративы с дублированием предлогов встречаются в XVIII в. и в памятниках иного содержательного формата. Например: *а расстоянія между устьем ея и Толбачинскимъ* ***съ*** *пятьдесятъ* ***съ*** *восемь верстъ* (С.П. Крашенинников. Описание земли Камчатки); *раздѣляющихъ… его обращеніе* ***на*** *двадцать* ***на*** *четыре равныя части* (Изв. АН. 1779. С. 144–145); *государство изобиловало тогда* ***на*** *двадцать* ***на*** *два милліона земныхъ даровъ* (Ф.-М. Вольтер. Человек в сто талеров, пер. И.Ф. Богданович); *[Кащей]: не въ твою пору плачевали мне* ***по*** *дватцати* ***по*** *пяти процентовъ со ста* (А.П. Сумароков. Лихоимец) и др., а также ***за****-тритцать* ***за****-три года предъ разореніемъ Трои* (Дж. Баркли. Аргенида, пер. В.К. Тредиаковского); *построенъ отъ Сидонянъ* ***за*** *двести* ***за*** *сорокъ летъ прежде раззоренія Іерусалимского* (Ш. Роллен. История, пер. В.К. Тредиаковского).

Однако в сочетаниях с этими же служебными лексемами встречаются в указанных памятниках и современные наименования составных числительных: *въ долготу* ***на*** *тысящу пять сотъ разъ* (География генеральная, 1718); *годъ делили* ***на*** *триста шестьдесятъ пять дней* (Б. Фонтенель. Разговоры о множестве миров); *по сту двадцати ливеровъ* (Ф.-М. Вольтер. Человек в сто талеров).

Образования с предложным соединением разрядов частотны и в канцелярско-деловом подстиле деловой письменности исследуемого периода. См. в московских челобитных середины XVIII в.: *на шездесят на четыре рубли на семдесят копѣекъ*; *русаков сто тритцать по цене на восимдесят на шесть рублевъ; по цене на шездесят на шесть рублевъ на дватцать копеякъ; лѣтъ в двадцать в семь* (Памятники московской деловой письменности. № 269, 273, 282, 285). К аналогичного рода фактам примыкают, по всей видимости, и употребления типа *двенатцать стакановъ по цене на два рубли на восемдесятъ копеекъ; два кулгана оловянныхъ ценою каждой по два рубли по пятидесятъ копеекъ* ((Памятники московской деловой письменности. № 264). По-видимому, подобные факты, зафиксированные нами в СЛ, обнаруживают связь именно с традициями приказно-деловой письменности прошлого, которая сохраняется в образовании составных числительных и в языке Нового времени на протяжении всего XVIII столетия.

Проведенный нами выборочный анализ формальных характеристик числительных, функционирующих в тексте «Соловецкого летописца», позволяет сделать вывод о влиянии на них и в целом на язык этого памятника как норм, которые получили в XVIII в. общелитературный статус, так и тех, которые ограничивались в своем употреблении более узкой группой текстов, относящихся преимущественно к деловому стилю. К числу региональных явлений в «Соловецком летописце» необходимо отнести формы числительных с отвердением конечного *м*. Данное явление, как и некоторые другие, обнаруживает связь языка анализируемого памятника с живой устной речью. Сильное влияние традиционной обиходно-деловой речи на грамматические нормы, отраженные в тексте «Соловецкого летописца», по всей видимости, обусловливается его содержанием, где существенное место отводится характеристике хозяйственно-экономической деятельности монастыря. Именно в контекстах, посвященных этой теме, указанное воздействие проявляет себя наиболее отчетливо.

Список литературы

1. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1958.

2. Дьячкова И.Н. Числительные в русском литературном языке XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010.

3. Зиборов В.К. История русского летописания XI–XVIII вв. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002.

4. Киянова О.Н. Проблемы языковой нормы русских летописных текстов конца XVI–XVIII вв.: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2007.

5. Летописец Соловецкий: [текст по списку конца XVIII в. из фондов НБ РК, инв. № 45614 р] [Электронный ресурс]. URL: http://library.karelia.

ru/Resursy/Rukopisnye_knigi/Letopisec_Soloveckij (дата обращения: 13.06.2018).

6. Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755.

7. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. М., 1850.

8. Супрун А.Е. О русских числительных. Фрунзе: Киргиз. гос. ун-т, 1959.

* * *

1. Bulahovskij L.A. Istoricheskij kommentarij k russkomu literaturnomu jazyku. Kiev: Radjans'ka shkola, 1958.

2. D'jachkova I.N. Chislitel'nye v russkom literaturnom jazyke XVIII veka. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2010.

3. Ziborov V.K. Istorija russkogo letopisanija XI–XVIII vv. SPb.: Filol. fak. SPbGU, 2002.

4. Kijanova O.N. Problemy jazykovoj normy russkih letopisnyh tekstov konca XVI–XVIII vv.: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. M., 2007.

5. Letopisec Soloveckij: [tekst po spisku konca XVIII v. iz fondov NB RK, inv. № 45614 r] [Jelektronnyj resurs]. URL: http://library.karelia.ru/Resursy/Rukopisnye_knigi/Letopisec_Soloveckij (data obrashhenija: 13.06.2018).

6. Lomonosov M.V. Rossijskaja grammatika. SPb., 1755.

7. Pavskij G.P. Filologicheskie nabljudenija nad sostavom russkogo jazyka. Rassuzhdenie 2. M., 1850.

8. Suprun A.E. O russkih chislitel'nyh. Frunze: Kirgiz. gos. un-t, 1959.

Numerals in the chronicles of Russian Pomorie (on the material of the "Solovetsky Chronicler" of the 18th century)

The article deals with the formal characteristics of numerals functioning in the text of the "Solovetsky chronicler". The conclusion is made about the influence of grammatical norms on numerals, which received a general literary status in the XVIII century and which were limited in the use by a narrower group of texts, predominantly of business style. The author reveals a connection between the language of the source being analyzed and live spoken language.

Key words: *numerals, "Solovetsky chronicler", XVIII century, grammar, lexicalization.*

(Статья поступила в редакцию 09.07.2018)

Е.Н. БЛОХИНА
(Москва)

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА КАК ТРАНСЛЯТОР ЗНАНИЯ О РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Традиционно при выявлении различий между диалектной и нормативной лексикой используются фонетико-грамматические критерии; несовпадению объема денотативных и коннотативных компонентов семантики и культурно-историческим причинам появления такого несовпадения не уделяется должного внимания. Представлены результаты лингвокультурологического исследования диалектизмов, показана их роль как трансляторов экстралингвистического знания.

Ключевые слова: *немецкая диалектология, диалектизмы, лингвокультурологические исследования, культурно маркированная лексика, частично эквивалентная и фоновая лексика.*

Введение. Повышенный интерес современной лингвистики к лингвокультурологическим исследованиям свидетельствует о признании их важной роли в изучении проблем межкультурной коммуникации. Следуя традициям, заложенным в рамках лингвострановедческой школы и развиваемым представителями этнолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии, ученые пристально изучают лексические единицы, называемые в самом общем смысле *культурно маркированной лексикой*, т. е. единицы языка, нагруженные экстралингвистической информацией социокультурного характера, существенной для правильного понимания семантики лексем. Результаты исследований последних десятилетий представлены в широком спектре словарей, описывающих присущие лишь определенным культурам реалии, фразеологизмы, прецедентные феномены, а также в работах, анализирующих культурно обусловленные различия в семантике лексических единиц, называющих в разных языках одни и те же явления. В научный обиход прочно вошел термин *лингвокультура*, понимаемый среди прочих определений как «совокупность массива информации культуры, получившего объективацию в языке» [10]. Сопоставляя культурные факты, вербализуемые в языках различных народов, ученые в большинстве случаев оперируют понятиями «национальный язык» и «националь-

© Блохина Е.Н., 2018